

18+

Р. Нигачрок

Отдушина

сборник

Римид Нигачрок
Отдушина. Цикл стихов

«Издательские решения»

Нигачрок Р.

Отдушина. Цикл стихов / Р. Нигачрок — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980124-1

Когда душевное состояние на пределе, стихосложение — это остров спасения, уединение, где память преданный друг, и утешит, и взбодрит...

ISBN 978-5-44-980124-1

© Нигачрок Р.
© Издательские решения

Содержание

Блохи	6
Зимой утро	7
Сказка на ночь	9
Воздушный змей	11
Последний сезон	12
Банальный блеск ума	14
Невзгода с непогодой	16
Полюса	17
Незримые двери	18
Сладко-горько вспоминать	19
Хороши советы	20
Тот дивный мир	21
Сбился с пути	22
И я любить хотел	24
Всеединство	25
Роли	26
Объяснение	28
Источник чувства	29
Проклятое слово	30
Мол, от тебя зависит	31
Добыча	32
Сорняк	33
Свободен	34
Избранный	35
Слова-скелеты	36
Глупец	37
Как не любить?	38
Задержка	39
День завтрашний	40
Сон	41
Извлечь возведя	43
Девяностолетие	44
Невеселый тон товарищ	45
Невычислимый	46
Не зритель, не герой	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Отдушина
Цикл стихов
Римид Нигачрок

© Римид Нигачрок, 2020

ISBN 978-5-4498-0124-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Блохи

От этой пришедшей кошечки
Не ждали мы подянки:
Худа, хрома и шубка
Грязна, и в колтунах.
Помыли, причесали,
Зеленкой смазав ранки,
Пристроили за печкой:
Тварь божья спасена!

И что же дальше? Блохи
Вдруг появились в щелях,
Черные и злые, прыг-скок
И впились в руку, ногу.
«Мам, надо что-то делать,
Блох этих как-то удалять»
«Сын, сбегай к трактористу
Солярки взять немного,

Я пол залью, отмою
Потом начисто с мылом»
Воняло в доме долго,
Зато и блох не стало.
Мать кошечку прилудную
Чуть насмерть не зашибла,
Но после выкупала с дустом,
И кошку турнула к сеновалу.

Зимой утро

Три комнаты и кухня —
Квартира для семьи.
Зимой, лишь печка тухнет
На ночь, к часам семи

Вползает в щели холод,
Пол всюду ледяной.
«Вставайте дети в школу,
А Толик в сад со мной —

Мать кочегарит печку,
Готовит легкий завтрак —
Снег завалил крылечко,
Юр, разгребви лопатой

Хоть узенькую тропку»
Тепло под одеялом,
Встать с постели знобко,
Бельё своё, бывало,

В кровать погреть засунешь,
Потом уж быстро-быстро
Надеть, а ноги босы в чуни.
«Эй, завтракать, артисты!

А мне пора на смену, —
Мать в катанках, фуфайке, —
Кричит нам через стену —
Галина – за хозяйку!..»

Сестра большая – в пятом,
А Юрик в третьем классе,
Я в первом, с младшим братом
Уходит мама в ясли...

«Дорогу помнишь, Вовик,
До школы?» Ну ты скажешь!
Конечно... – хмурю брови, —
На ТЭЦ ходил я даже,

С углем, где вагонетки
По рельсам мама возит.
Засунув в рот конфетку,
Чтоб нос не приморозить,

Шарф натянул повыше,
Обулся – вон наружу!
Взял рукавички? слышу
Вдогонку, нынче стужа!..

Ушел и Юрка следом,
У зеркала Галина,
Еще укутанная пледом,
Снимает гроздь резинок...

На ней шаль с пухом козым,
Пальто чуть не до пяток,
На вырост, при морозе
И Галка, ходят так девчата.

Сказка на ночь

Мам, живого ты Ленина видела?
«Нет, я в двадцать шестом родилась,
Тогда на Амыле басмачи взяли власть...
Подавили восстание» Да, вот дела!..

«Мне три годика, страх, как стреляли,
Был пожар, погорели амбары,
Люди прятались ночью в подвале,
Дети, женщины: малый и старый»

Мам, Мякшин дед уходил воевать?
«Призывали, и дважды – не годен,
С хроматы он бракованный, вроде,
Да и многодетных старались не брать.

Девять раз мама деток рожала,
Девки, парни, и померли двое,
Виктор брат, он последыш за мною,
Мне семнадцать, а он совсем малый.

Как война началась – голодуха,
Очень скудное стало снабжение,
Злые, хмурые, все в напряжении,
Что на фронте – ни слуха, ни духа,

То есть радио нам сообщало,
Что оставили Киев и Харьков.
Похоронку прислали уж Варьке,
Земляков полегло уж немало.

Мы работали – всё для победы,
Опоздаешь, так сразу под суд,
За пустяк год-полгода дают,
Арестуют, как ночью приедут.

В сорок третьем нас с Лёней судили,
И в тайгу, в лагеря на полгода...
Пережили мы трудные годы,
Фрицев, главное, что, победили»

Мам, а после войны как? «Полегче.
Леспромхоз был, а прииски закрыли»
Сахалин... как вы там очутились?
«Так вербовщик, красивые речи,

Два часа обрабатывал местных,
На востоке, мол, рай вы найдете:
При жилье, при деньгах, при работе.
Говорил он так искренно честно,

Мама с тятей собрали манатки
И айда на восток в божий рай!..
Что там ждало нас, сын, угадай?..
Те же трудности, те же порядки»

Три сестры в Каратузе остались:
Маша, Паша, а с ними Наташа.
Разошлись судьбы надолго наши...
За отца вышла замуж я, Галю

Он принял, как родную кровинку,
После Юрик родился... довольно!
Вспоминать мне те годы так больно...
В другой раз доскажу тебе, сынка»

Воздушный змей

Нет клея лучшего, чем клейстер:
Надежным, крепким выйдет змей,
К газете планки в накрест вместе
Прижать друг к другу посильней.

Нарвать из ткали узкие полоски,
Связать в два метра: будет хвост,
Цветные краше тряпки броские,
Годятся все, что из дому принес.

Готовишь с ниток три отрезка,
Два по углам, один – в середине,
Конечно, лучше была б леска,
Но так сойдет, замеришь четко

Длину всех ниток, вяжешь туже,
Потом к катушке – всё, готово!
Подняться змею ветер нужен,
Ты в поле ждешь порывы новые.

И побежал: змей влево, вправо,
Нырнет чуть, взмлет к облакам!..
Газетный змей парит на славу,
Как будто коршун с далека...

Последний сезон

«Королевство кривых зеркал»
В деревенском смотрели клубе,
Без излишеств, обычный зал,
И давно дом, по виду, рублен.

Мест не более, чем пятьдесят,
Уместился в нем все же лагерь,
В старых креслах ребята сидят,
Увлеченные сказочной магией.

Дети лета мы, третьей волны,
То есть те, кто по случаю собран,
Главным праздником обделены,
Без торжеств и занятий особых.

За два сезона обслуга утомлена,
Половина пустых помещений,
На площадках везде тишина,
Скучно детям, страдают от лени.

Мне же нравится это безлюдье,
Первый раз оказаться вне дома,
Без присмотра рыбешку удить,
Зарываться глубоко в солому.

По грибы мы ходили отрядом,
И наткнулись на кладбище старое,
Кресты с крышей заросшие рядом.
Староверы здесь жили не даром,

Сторож дед, говорит, мои предки,
Больше века скрывались в лесах;
В кельях жил, говорит, малолеткой,
Детский дом потом... Ну, чудеса!..

Ссора-стычка лучилась, бывает,
Слово за слово, стали толкаться,
Мне он рубашки рукав надрывает,
Я подножкой сумел поквитаться.

Растащили постарше ребята,
Журит нас воспитатель Наташа:
Как не стыдно, ведь вы октябрята!..
Вот узнают родители ваши...

Визг, шум, свет зажигается разом,
Где девчонки спят – переполох:
Нас измазали пастой, заразы!..
Вот нахал Витька, чтобы ты сдох!..

Мы шептались потом до рассвета,
Наш «герой» строит новые козни,
Петухи заорали уж где-то...
Мы проспали побудку сегодня...

«Взвейтесь кострами» нестройно поём,
И костер не костёр, а костёрчик,
В ночи квакает-крякает нам водоём,
Наши песни он слушать не хочет.

К молоку подаётся картошка в мундире;
Горкой хлеб, огурцы, помидоры...
Хлынул дождь на рассвете, в четыре,
Разбудив всех, закончился скоро...

.

Банальный блеск ума

Банальности и штампы выражений,
Не напрягая ум, легко слетают с уст.
Душе чувствительной опасно обнаженье,
И неопасно для тех оно, душой кто пуст.

Напоминание не нужно, всем понятно
И без того, что век земной конечен,
Что он медленный, проходит скоротечно;
Кому мучительно, кому и жить приятно.

Потоки информации напором и волною
Потопят ли, с ума доверчивых сведут.
Возьми, что надо, выкинь остальное,
Чтоб сохранить банальный свой уют.

Что раздражает нас, лишая равновесие,
Проигнорировать не каждому дано,
И одиночество, желаемое, бесит,
Известно нам по опыту давно...

Изыщной речью, если не публичен,
С домашними не станешь изъясняться,
Блеснуть умом, манерами приспичит,
Тебе желаем в собеседники Гораций,

Или хотя бы тот, кто может и уважить
Твои банальности выслушивать часами,
Поддакивая, чуть поспорить может даже,
Что понимает толк в поэзии и в драме.

А ты у зеркала гордишься, восхищенный
И лбом высоким, подкупающей улыбкой,
Фурор, мол, вызываешь у девчонок
Походкой независимой, но... зыбкий

Фундамент твой, пропал авторитет,
Как в дом вошел, банальная супруга
В халате, проворчит: на, ешь омлет!
И взглянет так, как будто ты обруган

Штампами банальных выражений,
Мол, шляешься, такой-сякой, по бабам,
И молча дверью хлопнет с раздраженьем,
И ты в глазах своих униженный и слабый,

Или от ярости на ум лишь междометья
Приходят, речь твоя косноязычна,
Жена напугана, напуганы и дети...
Себе недавно ты казался симпатичным.

Невзгода с непогодой

Я вам принадлежу,
Считать так позволяю
До той поры, пока
Вы добрая, не злая,
Владеете, быть может,
Душой моей отчасти
По доброй воле чувства,
Но не признаю власти
Любой, беспрекословной:
Свободой дорожу
В пределах, до забвенья,
Уступчивым кажусь,
Я ваш, но я не пленник.

Гоните – я останусь,
Держите – я уйду,
Не потерплю обмана,
Но верность сберегу.
Неискренность обидит,
Навязчивость спугнет,
Солгать душой не выйдет,
В ответ найдете лёд.

Доверчивость ранима;
Где рана затянулась,
Там шрам покрепче стали,
Что сладкие посулы
Горьки, и ядом жалят.
Простить прощу: потребность;
Носить несносно злобу,
Прощение целебно.
С тех пор чужие оба,
Как чужды два предмета:
Вода погасит пламя,
Жар испаряет воду...
Преграда между нами —
Невзгода с непогодой.

Полюса

Не убедив её, себя уверил в убежденье:
И виноватых нет, и мир несправедлив;
Прекрасен мир, но только с точки зренья
Создателя, а он, как дух, ни мертв, ни жив.

Спаситель наш Христос, божественная жертва,
Был послан доказать, что умирать не страшно,
Распят людьми, воскрес, и верить нужно в это,
Что тленна плоть, а дух бессмертный каждый,

Нет, нет, её я убеждал банально, приземленно,
На уровне страстей и ложных чувств незрелых,
Мол, всё от происков ума, так говорят ученые,
И в качестве примера сам разоблачался смело,

Кромсая душу скальпелем критичного познания,
Мол, вот и я себе и враг, и друг, и провокатор,
Как истину пойму, душе моей спокойней станет,
Врагов искать, винить кого, так это дело пятое.

Она фраз слышит тон, речей не понимая,
Но вырвав из контекста, цитату исказит,
Мол, не дурней тебя, и разберусь сама я,
Моя проблема в чем, а ты никчемный казуист.

Безбожник ты, изменник-бабник, и еретик,
Была бы поумней, нашла бы лучше мужа,
Кому-нибудь другому толкай ты басни эти,
А мне любовь, уют, достаток в доме нужен.

Незримые двери

Каждое тело желает упасть,
К центру земли притянуться,
Закон тяготенья, незримая власть,
Неизбежно два тела столкнутся.

А души, сгусток энергий, особняком
Стоят, действуют в мире материи,
И не в телах настоящий их дом:
В зоне незримой, если гипотезе верить.

Как только живое становится мертвым,
От центра земли устремляется прочь
Душа, измеренье покинув четвертое,
Вернется к родителям блудная дочь.

Всемирный закон тяготенья она,
Согласно ученью, по сути своей игнорирует,
Если от тела живого в космос отдалена,
Безутешна в разлуке с ним, сирая,

Физика нашей реальности мнимой
Лишь тень, беспросветная тьма заблуждений,
В поисках истины мы в космос гонимы,
Материю темную ищем, как провиденье.

Атом не мертвый, он искорка божья,
А множество атомов – клетка живая...
В гипотезах, в допусках неосторожен,
Категоричным в сужденьях бываю.

Что вычитал в книгах, тому и поверил,
Что выдумал сам, оказалось – открыто,
В познание мира незримые двери,
А как постучишься – бетонные плиты

Сладко-горько вспоминать

А нам бы больше времени общаться
Для доверительных неспешных разговоров,
И откровенничать, без хамства, не стесняться,
Какими в молодости были мы в ту пору.

Я мог бы многое припомнить и смешное,
И глупое из дел и чувств, и слов беспечных,
Как ты хотела, не хотела быть со мною,
Про поцелуй я вспомнил бы конечно.

Снять напряжение и храбрости набраться
Вино годится, пара-тройка стопок,
Чтоб страхи высмеять, за робость повиниться,
Что в молодую пору мы были глупы оба.

И сладко вспоминать, и в то же время горько:
Не вышло, не сумели, а молодость минула,
Меж тем и этим годом событий было сколько!..
Во мне, по крайней мере, чувство не уснуло.

Мы не свободны, да, семья и дети, прочее,
Но для беседы время больше бы найти,
И вспоминать-грустить могли бы мы, короче,
И от души сказать, не вышло, мол, прости...

Хороши советы

Вам в назидание, сказать бы, но не стану,
Постфактум хороши советы, но обманут
Того, кто не страдал, и мало будет проку
От слов напутствия и жизненных уроков,

Мол, на чужих ошибках учиться не опасно,
Мол, прежде рассуди, советовать напрасно,
Зато на личной шкуре освоишь опыт твердо,
А вышел победителем, побитый, но и гордый,

Скажи: лёд тонкий, провалишься и сгинешь.
Не каркай, он ответит, а то и в скулу двинет,
Когда тобой спасен, не скажет, мол, спасибо,
Или смолчит насупясь, ругнет с обидой либо.

Даже себе советовать бывает бесполезно,
Пусть здраво мыслишь, делаешь небрежно,
А вышло боком, скажешь сам себе: скотина!
Кто под рукой горячей, ищешь в нем причины

Своих несчастий, мол, не те давал совета,
Что сам себе советчик, позабудешь ты при этом...
Вам не в назиданье, сами вы с усами,
Кто сам себе хозяин, советовать не станет.

Тот дивный мир

Не помню многого, подробности затерты,
И запахи, и чувства, и даже мысли скрыты,
Под спудом, тот дивный мир, как мертвый...
Мне сколько было? Мать говорит: четвертый.

А город был, и жил в конце пятидесятых,
Громко жил... «Монтажники-высотники»,
По выходным застолие, и скромно до зарплаты;
По осени пальтишко, шапчонка на мне, боты.

И двор знаком, а страшно: до вечера гуляешь,
В подъезд по лестнице, темно, идешь наощупь.
«Сынок, ты где пропал?.. Нельзя так, умоляю!» —
И мать прижмет к себе, по попе шлепнуть хочет.

Отец усталый спит. «Иди, ложись, паршивый!..»
Я прячусь, убегаю, боюсь, найдет цыганка,
И с места не сойду, и куст сухой, плешивый,
Ружье схватил: сломалось, замахиваюсь танком...

«Пора вставать, гулёна, и Юра с Галей встали»
А папа не сердитый?.. «Ушел давно на смену.
Юрик ждать не будет, до садика с Галей»
А, мам, тепло сегодня? Я курточку надену?..

До садика не долго, дорогу я запомнил,
Сестру за руку крепко держу, не потеряюсь,
А садик трехэтажный в большом красивом доме,
Я в нем живу-тоскую, ем, сплю, потом играю...

Что выдумка, что правда, подробности неясны,
В конце шестидесятого, а Толик не рожденный,
В животике у мамы; нос от мороза красный,
Озябли пальцы больно, деревьев белях кроны...

Сбился с пути

Не геройствовал, шkodил – бывало,
Не дошло бы до взрослых ушей,
Я не знал, что мне жизнь обещала,
Сын я мамкин, а в общем – ничей.

С другом этим, и с тем хороводил,
Крепкой дружбы не вышло у нас,
Не предал, не обманывал вроде,
Сам обманут был ими ни раз...

Даже в шутку меня хулиганом
Ни один не назвал из знакомых,
Не курил, не шатался я пьяным,
Место встречи – лавчонка у дома.

Так до службы: обычный мальчишка,
Отслужил, стал похаживать к дамам,
Переглядки, намеки, интрижки,
Но в душе огнем жалила драма...

Мои сверстники: кто-то женатый,
Кто-то горькую хлещет с чего-то,
И трояк просит в долг до зарплаты,
Так живет, и не хочет работать.

Были те, кто высоко поднялись,
А при встрече глаза отведут,
Как у них, будет всё в идеале,
Перспективу сулит институт...

Да уж, вкалывал честно, с охотой
Четверть века, потом расхотелось,
Нервный, дерганый после работы,
В душе скверно, свинцовое тело...

Мне бы мира хотелось с супругой,
Да она то ревнует, то гонит,
То на нервах, без дела отруган,
То чужой ей, совсем посторонний.

А сорвался бы, в петлю да сгинул,
Сел в вагон бы, не видеть, не знать,
Жаль себя, жаль жену, жаль и сына,
Разведусь – огорчилась бы мать...

Вышло так: ни карьеры, ни денег,
Честным хочется быть, согрешишь,
Шел в обнимку свой век с невезеньем,
За труд честный платили гроши...

Ты прости меня за откровенность,
Что по пьяни язык распустил,
Ждать хорошие бы перемены,
Где-то сбился, наверно, с пути...

И я любить хотел

Как устоять? Сильно природное влечение,
Кто молод и неопытен, наивен и романтик,
Она, стыдливо смелая, явилась, и некстати.
Как устоять? Когда и мысли чувства страсти
Бережат душу, жгут, подхваченный теченьем,
Я несся в пропасть будто, испытывая счастье.

Чем громче, логично злей доказывал рассудок,
Что это блажь, ошибка, и пошлость, и распутство,
Тем крепче тонкой сетью страсть стягивала пути,
Не разорвать их просто, с плеча рубить не смея,
Я уповал на здравый ум и свой, её... на чудо,
Встреч избегал, молчал, но оставался с нею.

Все планы к черту!.. Как ни крути, виновен,
Хотя бы в том: завлечь себя позволил...
Протесты с гордости, смешанные с болью,
Мне разрывали душу на тысячи кусков,
Нет твердости, решительности в слове,
Чем протестую дольше, смириться я готов...

А чем она взяла? Не красотой, не лаской,
Девушка, девчонка с капризом и подколкой.
Твердил, расстаться лучше бы, что толку,
Она любить хотела: страстно, безрассудно,
Ей наши отношенья, томительные, вязкие,
В глазах любви казались чистые и чудные.

И я любить хотел, любить душой свободной,
Без принужденья, насильно мил не станешь.
Когда инстинкт влечения, а не живое пламя,
Чад с копотью, протест возвысит голос,
Возникнет мелкой ссоры повод, как угодно,
Разрезать связь мучений появится осколок.

Но было бы банально: она хотела замуж,
Не без этого, конечно, достойный ль я супруг?
Сомнение возникло, не без причин, не вдруг,
Любила не меня – на предыдущего похож,
Быть брошенной боялась... мелодрама,
Трагикомедия... одна сплошная ложь.

Всеединство

Дальнее и близкое трогает чувствительно,
Близкое – понятно, что не удивительно;
Из глубины космоса, из времен далеких
Будто пальцы тянутся, жгутся будто токи.

От истоков предков, родовых фамилий
Ходоки-сказители будто приходили:
Помни свои корни, ствол могучий, древний,
Родовой общины реки и деревни...

Слышу будто голос звездных рокотаний,
И за мной следящие взгляды мироздания:
Мы с галактик дальних видим тебя близко,
И фантазий смелых, мыслей твоих низких.

Звездные скопления, как нейроны мозга,
Между ними токи, бьющей жизнью розги,
Заискрит и вспыхнет в мертвом да живое.
Дух, вселенский разум увлечен игрою...

Дальнее и близкое, слитно неразлучные,
Всё едино в мире, говоря научно...
Мысль материальна, плоть рождает поле,
Дух с душой беседуют радостью и болью,

А на стыке пламя творчества мечтаний.
Кто-то согласится, кто-то спорить станет.
Не имеет вера точных доказательств,
Верящему в Бога сказки, мифа хватит.

Выдумка любая хочет стать реальной,
Так же существует антимир зеркальный,
Что помыслил, будет, есть уже, точнее,
Верьте или не верьте, убеждать не смею...

Роли

Всем без исключения Бог назначил роль,
Негативным позитивную, где слуга король,
Каждый выступает в разных ипостасях,
Где как фон бесцветный, где собой украсит
Общество обычных, где нужды статисты
В драме для комедии, и завязок быстрых.

Каждый многоликий, перемена ролей
Происходит быстро, с утра и до заката,
Если кто талантлив, так ему раздолье,
Только роль от Бога бережет он свято.

Он меняет маски, сменит и наряды,
Грусть-печаль сыграет, и сыграет радость.
Хуже всех играет тот, кто постоянный,
Предан своей роли, трезвый или пьяный,
Надо бы смириться выгодно, нарочно,
Он лица не прячет, крепко держит ножны.

Скажут: это – личность; твердый, несгибаем,
Там, где понарошку, он всерьёз играет,
С ним легко и сложно, реплик ряд известен,
Он солист при хоре, петь не станет вместе.

Роли есть как эхо – телефон испорченный,
Фразы повторяет, в смыслах неразборчив,
Прячет своё мнение, будто бы в футляре,
Роль его быть зеркалом, что желают, дарит.
Лучше всех камерный театр одного актера,
Он там в главных ролях, исполняет здорово.

Богу так угодно, текст свободно писан
Серым кардиналам, актерам закулисья,
На свой лад трактуют, ложные суфлёры,
Свою роль открыто им играть не скоро.

Все без исключения, как герои в пьесе,
Будто бы отдельно, действуют же вместе,
Разыграют драму, если так угодно,
Знают, где завязка, знают фразы вводные.

А на самом деле в чувствах какофония,
Гордость, унижение чуть заметны в тоне,
Реплики не слышат, слышат искаженно,
Если в тисках страха, если кто влюбленный.

Роли, наши роли наперед не знаем,
В добряке по виду, душа скрыта злая,
Злой на слове добрый, непамятный, отходчив...
Роль свою, от Бога разыграть ты хочешь?..

Объяснение

Я сам себе, и вам рассказываю басни,
Вам параллельно, то есть за кампанию,
Вначале смутно, но с каждым разом ясней,
Красноречив порой, мне кажется, по пьяни.

Искусство – нет, но творчество – отчасти,
Отчасти – хобби... потребность говорить.
Без лишних слов обходится, кто счастлив,
Язык болтлив, бывает, как духом озарит.

Простая мысль, на все лады другими
Бессчётно раз изложена блестяще,
Мне кажется внове, час времени отнимет
Поразмышлять о прошлом в настоящем.

Я сам себе, и вам рассказываю сказки,
Вам для забавы, да, признаюсь откровенно,
Не ведаю, зачем хочу придать огласки
Движенье чувств, их выпустить из плена.

А если промолчу, не станет мир беднее,
А выскажусь – не станет мир богаче.
Молчать я не могу, и говорить не смею
Всё, что на ум придет, а низменное прячу.

Не критики боюсь – она мне не опасна,
В сто раз больней удар самокритичный,
Не говорили мне, мол, пишешь ты прекрасно,
Прочтете раз и ладно, а похвала вторична.

Источник чувства

Душа, источник чувства, раскачивает лодку,
Другой же скажет: психика, расшатанные нервы,
Добавит третий: пей раз в день по рюмке водки,
И замени жену, на добрую и ласковую, стерву.

Не роботы, мы люди, а значит, неустойчивы,
А нерву – трос, натянутый, шест – воля и контроль,
И нечего душой какой-то нервной потчивать,
Земля с природой дикой не рай нам, а юдоль.

Стоял бы друг ученый при свете у постели,
И подавал советы, как правильно любить,
Не вытолкнул бы в шею, терпел бы ты ужели?
А то набил бы морду, и матом стал бы крыть.

Так после оба в ссоре, взвинчены, на нервах,
Стали бы мириться традиционно с водкой.
Душа источник чувства, сказал тогда бы первый?
Да нет же, это нервы раскачивают лодку,

Добра желал всего лишь, добавил бы второй.
А третий до икоты час-два бы хохотал...
Я взял пример из жизни, но выдуман герой,
Который так наивно и мило размышлял.

Проклятое слово

Старость резвей созревания,
Плоды не успеют налиться,
Лишь дух умирать не боится,
Он вечен, плоть гумусом станет,
Душа суетится, в тревоге:
Что ей уготовили боги?

Она молодой постареет
Вместе с дряхлеющим телом?
Огонь сохранить не сумела,
Стремясь повзрослеть поскорее,
Плоды не успели налиться,
Покрылись на ранах живицей.

А дух над душою смеется:
«С ума твои ложные страхи,
И поделом растеряхе,
Взрослеть тебе, глупой, нейдет.
Я вечен, любовью напитаю,
Любовь мне и Бог, и защита.

А ты упиваешься страстью,
Спешишь, выгораешь дотла,
Ровно гореть не смогла!..
Мой разум холоден отчасти,
Я верен любви изначальной,
Не радостно мне, не печально.

Я искра от Бога, и к Богу
Вернусь через тернии, а время
Мою веру в себя не изменит.
Я вижу всю разом дорогу,
По которой пройти предстоит:
Восход и закат, и зенит».

Старость – проклятое слово,
Но страх вызывает спешить,
А дух, отстраненный, в тиши,
И вспыхнуть, погаснуть готовый,
Насколько любви в нас и веры,
Он молод, и вечен, без меры...

Мол, от тебя зависит

Мол, от тебя зависит. Зависит – что? Благополучье,
Здоровье крепкое, успех: желай, ты этого получишь.
Лицом ты в деда, характер злой, упрямый – в бабуку,
А в мать – умом, сложеньем тела, ростом – в папку.
Скажи, кто от кого зависит? Я смесь двух поколений,
Четыре ипостаси в частях, а между ними тренье...
Ты говоришь, мол, будь собой, но знать бы кто я есть:
Продукт из лучших сочетаний, гремучая ли смесь?
Подход твой, мол, не верный, ты личность, а не части,
И разум, тело, дух, душа в твоей бесспорно власти,
Распорядись с рожденья сполна дарами родовыми,
С души занозы, скверны за век свой должен вынуть,
То есть исправить... устранить огрехи и дефекты,
Как личность полноценная и цельная, ты – некто.
А некто – это кто? Тот, кто живет осознанно, разумно?
Не философствуй, мол, ты человек, хотя и сумма
Всех поколений, в каком-то смысле ты наследник,
И продолжатель, не первый, пусть, но не последний.
Зависят от корней и ствол, и ветви, мол, известно,
Одни стремятся вверх, вкривь-вкось другие тесно
Растут переплетаясь, не ствол, а близкие опора,
Им кажется, но невдомек, себе, другим помеха.
Так человек, стремится он, приверженец свободы,
Прямой и сильный к солнцу без устали, и годы
Не сломят, пока он связан накрепко с корнями,
Но от него зависит быть стойким и упрямым,
Под бурей устоять и, скрепя сердце, гнуться,
Не ломаясь, но если черты характера найдутся,
А если нет? Хотел бы да не можешь, тогда пропасть?
Судьба, не повезло, мол, чертей ли божья власть,
А ты борись! С кем? С самим собой до смерти...
Со мной здесь ангел говорил, или шутили черти?

Добыча

От газировки, пива собрал карманы крышек...
Галина отлучилась, а я с вокзала вышел,
Из любопытства, к киоскам вдоль перрона.
Тележку грузчик тянет, на лавке дядя сонный,
Поезд маневровый вагон в тупик толкает...
«Эй, мальчик, отойди-ка, нельзя стоять у края!
Беги-ка к маме лучше, тебя, наверно, ищут, —
Железнодорожник кепку протер платком. – Жарище!»
А я на всякий случай шмыгнул скорей к киоскам,
А там сто тысяч крышек валяются на досках.
Но как не взять с собою блестящие кругляшки,
Фантики, от спичек коробки, красивые бумажки.
С добычей полные карманы иду назад довольный...
«А, вот ты где, пропажа!.. – шлепнула не больно
Галина для острастки, – вот расскажу я маме,
Как ты сбежал без спроса. Что у тебя в кармане?»
Да так ..., а что нельзя взять пробки от бутылок?
«Какие пробки? Гадость! Сейчас же, Вова, выкинь!»
Не пробки, а добыча!.. «Эй, дети, что за крики? —
Вышла мать из двери. – Где Юрик, наши вещи? —
Спросила Галю строго, меня взяла за плечи —
С такой добычей, Вова, в вагон нас не запустят»
Я выгребал карманы с обидой горькой, с грустью...

Сорняк

Мелко, скучно и банально,
Где гражданская позиция?
Автор высказать боится,
Или хочет быть нейтральным?
В общем, серенький писатель,
Не годится для печати.

Сочинил бы лучше драму,
Страсть, любви большой трагедию,
Он же пишет, будто бредит,
Мнит себя великим самым,
Но при этом жизнь не знает,
Прошлый век лишь вспоминает.

Взялся бы писать поэму
О героях наших дней,
Тему выбрал б посильней,
Не потянет... где ему
Слов и словосочетаний
Взять, стихи его местами

Столь слабы и нелогичны,
Что нельзя принять всерьёз.
Кто в глухой деревне рос,
Стиль, если есть он, нетипичный,
Мелковат, не креативный,
По невежеству наивный.

Поощрить б поэта надо
За количество, за труд,
С уст похвалы не идут,
И жалеть нужды нет чадо,
С порчей он, неисправимый.
Я и сам прошел бы мимо,

Но молчать не может критик,
Это хлеб его тяжелый,
Наставлять кто будет молодежь?
Я сказал... вы как хотите...
В наше время буйным цветом,
Как сорняк, взошли поэты.

Свободен

Свобода – жить, свобода – умирать,
Но несвобода – должен был родиться!
Родившись, жить и умирать боится,
Дитём он любит, судит позже мать.

Носитель жизни, жизнь он ненавидит,
И ею пользуясь, других он презирает,
Живет всерьёз, как будто бы играет,
Актёрствуя, на зрителей в обиде.

Свобода мнений с внутренней цензурой,
Наговорив в три короба впустую,
Он закричит: я громко протестую!
Против чего? Покажет зло фигуру:

Не лезьте в душу, главный мой протест,
Со мной не спорте, я конечно прав!
Плебеи, помолчите, перед вами граф,
Вы мне нужны – я ваш противовес.

Свободен жить, свободен умирать,
Но несвободен, стал бы человеком!
Минует век – на финише аптека,
Из тела вон душа: свобода, тишь и гладь.

Избранный

Не стоит, выбор импульсивный,
К разочарованью приведет,
Для мух липучка ложный мёд,
И был бы я, как встарь, наивный,
Поверил в зряшный комплимент,
Но дым развеется в момент...

Не классик, даже не любитель,
Не современник – временщик,
Волна подхватит, не ищи
Поэта, где его обитель —
Он щепкой брошен в океане,
Пусть не желал того, обманет.

Обманет ваши ожидания,
Спасаясь, вас он не спасет,
Но в пропасть бездны завлечет,
Прощай не скажет: до свиданья!
И место встречи не назначит,
Как эгоист, изгой тем паче...

Не стоит здесь остановиться,
Душевный жар не стоит тратить.
Прочли? Забудьте, бога ради!
Я не журавль, не синица,
Червяк с орлиными крылами
В мечтах... увидите вы сами,

Что выбор ваш сиюминутный.
На солнце в радугах стекляшка,
И обмануться будет тяжело,
Поднять и бросить не уютно.
Поэт-обманщик виноват,
А, впрочем, все-таки я рад...

Слова-скелеты

Незащищенность – чувства чистые,
Тавро с рожденья – добродетель!
Души страдания – неистовы,
В полутонах взрослеют дети.

Ложь – нет, а правда: справедливость,
Но правда-истина – жестока!..
Пока не знал, краснел стыдливо,
Прививка – опыт, шаг к пороку.

Смолчать бы нам, слова фальшивят,
Те, что продуманы с расчетом,
Поддакнуть, мол, согласен, живо,
Спасая, ложь убьет кого-то.

Легко ли сносит толстокожий
Подколки, шутки и издёвки,
Он месть готовит в мыслях тоже,
Подставит ножку где-то ловко.

Пугает жизни лес дремучий,
Но с каждым шагом привыкаешь,
Дождем прольются пусть уж тучи,
Потоком в бездну увлекая.

Слова-скелеты без значений,
А нарядить сумей по моде,
Глупец вчера – сегодня гений,
И гнусный трус полками водит.

Открытый настезь перед Богом,
Перед людьми он слаб, ранимый,
Где перекресток, там дорога:
Сверни, останься, иди мимо...

Глупец

Условно так стихосложение,
Не приложу ума, мне недоступно,
Задавит мелочь мысли крупные,
Как без любви вслепую женят.
Тогда, уложат в гроб, поймешь:
Лукавит правда, честна ложь.

Он говорит – она на нервах,
Он замолчит – она психует:
Хотела разве жизнь такую?
Твоей желала быть, и первой!
Разврат души нагой поэзия,
Как антиподы в антитезах.

Условно – нет! Прямолинейно
Нельзя лиричных песен петь,
Дороже злата ценна медь
У Гете, Пушкина и Гейне...
О! замолчи, имен не трогай,
Ты понимаешь в них не много.

Глупец!.. Условности условны,
И тень, и свет, и спектры радуг
Чисты, прекрасны, нам отрада.
Как перепреют в гумус говны,
Разбить бы надо здесь цветник,
Поэт, ты вспыхнул и... поник.

Чем пахнут жаждущие губы?
Отравой страсти разнотравья,
И ты, поэт, судить не в праве,
Отвратно что, что сердцу любо,
Бог дал тебе возможность петь
Любовь, а стимул тебе – плеть!..

Как не любить?

Ни строчки новой, старые мотивы,
Я – человек – один такой на свете,
Равно: несчастный и счастливый,
Как попугай твержу я фразы эти.

Любая мысль моя, что взята на прокат
У старых лет, вершит во мне открытье,
В неведение невежества, и этому я рад,
Что повторяю я, вы мне не говорите.

Слова мертвы, но тоном и значением
Я вдохновляю их на свежее звучанье,
От страсти чувства делаются ценней,
Как с мясом овощи, отваренные в чане.

Одно: несхожести уметь бы сочетать,
Свести гармонией в единство антиподы,
Быть создателем, и быть немного тать,
Пчелы сбор мёда вызревает плодом.

Весна после зимы, циклична и прекрасна,
Миллионы лет она всё так же молодая,
Проснутся чувства, притупится опасность,
С югов на зов извечный птицы прилетают.

Пора весны описана, что нового добавить?
На полигоне взрыв, грозы ль далекой рокот,
Зеленые поля, листва шумит в дубраве,
Заучено привычно кладу под строку строку.

Не лирик ты, мне скажут, ты – старик,
Мертв ум холодный, чувства не горячи,
Ты голый череп прячешь под парик...
Как не любить?.. нельзя прожить иначе!

Задержка

Играть как начал он малюткой,
Так до сих пор не прекращает,
Представь серьёзным на минутку
Его, когда он в гнев, и отчаян,
Защиту ищет в местах дальних,
Перед собой нутро нахально,

Бесстыдно вынуть хочет в свет,
Игра и здесь ему забава,
Бог с ним, свидетелей-то нет
Других, твердит, имею право
Быть откровенным и смешным,
Мечтать, рассказывать ли сны,

Как перед мамой, детский лепет
Она всерьёз готова слушать:
«Мальш ты мой, великолепен,
Ты духом чист, измажешь душу,
Что неизбежно, примешь ванну,
Зеленкой смажу твои раны...»

Отец он, дед с годами, дети
Давно уж взрослые, не скажут,
Что надоели игры эти,
А поощрять их станут даже,
А он и рад, мол, я мальчишка,
Читаю сказочные книжки,

Мне хорошо, душою молод,
А вы в заботах и печалях,
Насквозь я вижу вас, как голых.
Они на это отвечали:
Как мог ты стать отцом, вопрос,
Душой, ни духом не подрос.

День завтрашний

Шум слов, и мыслей пыль круженья,
Век лет, как шерсти скатанности шарик,
Души в пустыне дух бесцельно шарит,
Где замок, там надежд песка крушенье:
Рассыпалось, распалось, улеглось...
На праздник зван, к поминкам придет гость.

Тень серым пологом горение накрыла,
Перетерпеть, ждать завтрашнего дня.
Да, неуютно здесь, и ветрено, и стыло,
В сетях тоска-печаль укутала меня...
Дождями вылакала туча безнадежность,
И слякоть трав росистых придорожных

На солнце блесками подмигивать взялась,
Идти... идти по тропке бесконечно,
И с каждым шагом радостно, беспечно,
Набраться воздуха, очищенного сласть,
День завтрашний мерещится надеждой,
И будущность космически безбрежна.

Сон

Затихла буря зимы мнимой,
Тяжелый снег лежит в сугробах,
Отдернул штору, глядеть чтобы
С окна на двор, на снег, на зиму,
А там не лес, не степь, не поле,
Там жизни дикое раздолье!..

Ах, друг мой, милый фантазёр,
Водил ты за нос страхом детским,
Гудел в щелях порывом резким,
Скреб по стеклу, как поздний вор,
Мол, дома будь, за дверью стужа,
Отговорил-таки пойти наружу!..

А я старик с душой незрелой
Век просидел бы так у печки,
В тревоге билась бы сердечко,
От страха сделался я смелым,
Хочу реальность, а не сказок,
В чем был, наружу вышел сразу.

Просторный двор, забор высокий,
И нет ворот, и нет калитки,
Трава пробилась в щелях плитки,
А с крыши ржавой трубы-стоки,
Но это образ дома давний
Я узнаю, на окнах ставни...

Нет-нет!.. иллюзия иллюзий
Вокруг меня, мираж, фантом,
Сарай, землянка, ветхий дом,
Не замок... угол зренья сузить
Кто мне пытается с рожденья,
Реальность где, наводит тени?

И нет преград, и нет предела,
Простор космический бездонный,
Так просыпаясь, полусонным
Быть, грезить вечно надоело,
Шагнул и... падаю, опоры
Нет под ногой, как поезд скорый,

Земля стремительно несется
Навстречу мне, я жду удара,
Подумал, жизнь проходит даром,

Она сложилась, как придется,
Стал вспоминать за годом год,
Что век мой – медленный полёт

Не вниз, а вверх, под небеса,
Теряя вес и чувство боли,
Где и фантазиям раздолье,
Где мысль рождает чудеса...
Открылась створка сквозняком,
И я проснулся, встал легко...

Извлечь возведя

Двойкое чувство, на полках стоят
Книги, чтенья достойны, вниманья,
Свои тоже там, но читать их не манит,
Пусть как бы случайно поставлены в ряд
С томами больших, настоящих поэтов,
Ценней мои книги не стали при этом.

Можно сказать бы мне, я приобщен
Хоть как-то, пусть скромно к литературе,
Двойкое чувство же шепчет: ты, дурень,
Не литератор, и книги твои не при чем,
Поставил, стоят, занимают лишь место
На полке, читать их кому интересно?

Самолюбие гордо бы тут возражало,
Не каждый, мол, может, как ты сочинять,
Сам критик на троне воссел у меня,
Сверяет и мерит столбцы с идеалом:
Скучно ужасно, банально, созвучно! —
Без жалости губит их собственноручно.

И я отступаю под натиском этим,
Как внутренне сам изначально готов,
На свете немало хороших стихов,
К тому ж сомневаюсь в себе, как в поэте,
Двойкое чувство спасает и губит,
Единица под корнем равная в кубе.

Девяностолетие

Тридцать два тебе, младшему сыну,
Через год ему столько же будет,
Ты лежишь в земле, всеми покинут,
Червем съедена плоть, домовина,
Лишен чувств и забот, с полой грудью.

Дух летучий, он помнит ли что-то,
Помнит имя ли, данное мамой,
Ухнул в бездну забвенья, в болото,
Ушел в мир иной, счастливый самый,
Сбросив кости в могильную яму.

В двадцать три стали оба отцами,
Принял дочь ты, я сына покинул,
Это первый наш важный экзамен
Подставлять под тяжелое спину,
Говорят, мол, обязан мужчина
Служить родине, детям и маме.

В тридцать два ты решил отдалиться
От обид, от забот, от скандалов,
Проще некуда – взять удавиться,
Что потом, тебе дела уж мало!..
Выбор твой понимаю я взрослым,
Сам прошел через это я просто,

Смерть, мол, все разрешает задачи,
Так и ты пошатнулся, не сдюжил,
Пусть жена по тебе, мол, поплачет,
Пусть поищет, мол, лучшего мужа...
Как же дети? Одни, безотцовщина...
«Моралист» я, и подлый, и конченный,

Не с обиды сказал в осужденье,
Если даже и так, то отчасти...
Мне бы сразу сказать: с днем рожденья!
Судьба наша у Бога во власти,
Выбор наш, верный, нет, но он свят...

Невеселый тон товарищ

Невеселый тон почаще
Входит в хор разноголосая,
Он и место в нем не просит,
Исподволь его участие
Выдвигается в солисты,
Исполняет роли чисто

Невеселый тон тревожный,
Не находит праздник в буднях,
Он привычкой скверной будит,
Как и трёп пустопорожний
Вытесняет мысли свежесть,
И слова, и шутки те же,

Что вчера смешно звучали,
Невеселый тон отравит,
В песок вытопанный гравий
Пешеходом от печали,
Ходит-бродит он по кругу,
Цель не видит с перепугу.

Невеселый тон годится
Для серьёзных рассуждений,
За живое так заденет,
Как крылом коснётся птица,
Страх нагонит на минуту,
Чтобы мысли перепутать,

Невеселый тон – товарищ,
В гости ходит он незванным,
Разбередит в душе раны,
По углам глазами шарит,
Где там спрятался источник
Для печальных этих строчек.

Невычислимый

Он, создавая жизнь, не думал о законах,
Но полагал, возможно, они возникнут сами,
Лик не имея явный, рисован на иконах
Он просветленный с печальными глазами.

Художник и поэт воображает старца,
Бог молодой не вызвал бы доверья,
На небе рай, а жизнь земная – карцер,
В одеждах духу закрыты в небо двери.

Мы видим вокруг себя рождение и смерть,
Как постарели сами, как дети вырастают,
И Богу допустимо родителей иметь,
Отец и мать, ребенок – троица святая,

И сказочное детство, и молодости страсти,
Всё то, что человеку доводится пройти...
Мыслитель ли поэт, философ ли фантастик
Воображал такое, кто может запретить?

Неразрешимый казус, банальная ошибка
Неуловимость тонкую, духовность изъяснить
Земными языками, слов не найдется гибких
И точных, и понятных, логическая нить

Порвется в пятой фразе иль угодит в тупик.
Есть метод отрицанья неясного явления,
Так объясняют Бога, кто истину постиг:
«Он недалек, не близок, не вспышка озаренья,

Не жив Он и не мертв, негде Он и повсюду,
Его нельзя помыслить, увидеть и потрогать»
Бог слово, имя, тайна, короче, нечто, чудо,
Миф, сказка и легенда, не знаю я, ей богу!

Он, создавая жизнь, стратегию без тактики,
Без правил и законов в основу заложил,
А сам не вычисляемый и сложной математикой,
Вне магии, алхимии, вне власти ворожбы.

Не зритель, не герой

Не из массовки, нет – сторонний наблюдатель,
И роль моя не роль – не зритель, не герой,
Самодостаточен, себя в себе мне хватит,
В трудах жужжащий в душе пчелиный рой.

Завидовал, да, нет, и вам, живым и мертвым,
О, как несправедливо! – вопил плаксивый крик,
Стеной воображенья, кольцом за ней запертый,
Иль то в горах высоких у пропасти впритык.

Реальны вы и вы во времени, пространстве,
Вы были, есть... вы к сроку родились,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.